

'Crime and Punishment': понятие "свободы" в переводах романа Ф.М. Достоевского

Научный руководитель – Загрязкина Татьяна Юрьевна

Изволенская Анна Сергеевна

Кандидат наук

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения, Кафедра франкоязычных культур, Москва, Россия

E-mail: askholkina@gmail.com

Человек рождается свободным, а между тем всюду он в оковах.

Жан-Жак Руссо

Сложная структура концептосферы "свобода" в романе Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" обусловлена изначальной двоякостью понятия: свобода как а) внутреннее состояние субъекта и б) проистекающая из этого состояния возможность полноценного существования внутри общины.

Свобода, утраченная Родионом Раскольниковым, - это не просто потеря самости (Бога в себе, по Достоевскому), это состояние изгнанника. В индоевропейском обществе быть "свободным человеком" означало принадлежать к определённой этнической группе. Германское 'frei' - результат эволюции индоевропейского прилагательного 'priuos' (др.-русс. "прияю"), выражающего качество аффективного характера [1, 215]. Термин, первоначально обозначавший отношения приязни между людьми, стал наименованием общности по её принадлежности к одной группе. Раскольникову после убийства кажется, что он "ножницами отрезал себя сам от всех и всего" [2, 118]. Более того, термин "свободный" ('free') предполагает свободу от чего-то, например, от наваждения. На преступление, как позже признается сам герой, его "чёрт тащил" [2, 425]. 'Freedom, freedom! He was free from that spell, that sorcery, that obsession!' [3, 69] - Читаем в переводе Констанс Гарнетт 1914 года, одном из первых.

То же слово, 'freedom', употребляется переводчицей в эпилоге: 'But now in prison, *in freedom* he thought over and criticised all his actions again and by no means found them so blundering and so grotesque as they had seemed at the fatal time' [3, 545]. Об особом значении места - "в остроге, *на свободе*" [2, 551] - свидетельствует не только авторский курсив, но и авторская интерпретация антитезы. Противопоставление внутреннего раскрепощения физической неволе отражено в более поздних переводах (Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской 1992 г. и Оливера Рэди 2014 г.): 'in prison, *at liberty*' [4, 5]. Более того, выражение 'to be at liberty to do something' обозначает возможность, основанную не только на отсутствии запрета по закону, но и на волеизъявлении субъекта.

С точки зрения свободы как состояния человека в обществе, интересно древнее значение термина 'liberi' - группы свободных, знатных людей. Данное прилагательное (единственное число 'liber') обозначало потомство, что, как пишет Бенвенист, ссылаясь, в том числе, на Плавта и Менандра, происходит из древней словесной формулы, которой сопровождалась свадебные обряды - *liberum quaesundum causa* ("ради получения свободных существ") [1, 214]. "Свободный" означало "рождённый в законном браке". Цель брака, таким образом, заключалась в том, чтобы дать рождённым статус свободных людей. Отсутствие института брака, за которое ратует Лебезятников, противоречит самой природе

человека как члена общины, согласно Достоевскому-философу. С точки же зрения языка, речь Лебезятникова, говорящего о "свободном" состоянии женщины в прогрессивном обществе (под коим подразумеваются свободные отношения) и неуместно ставящего Соню Мармеладову в пример, - парадоксальна. В этом смысле перевод "законного брака" как 'lawful' в версии О. Рэди [5, 354] кажется более подходящим, нежели 'legal' (Гарнетт [3, 380], Пивера и Волохонской [4, 358]). Действие, описываемое словом 'lawful' староанглийского происхождения, подразумевает под собой более широкое основание, законность, а не конкретный писанный закон. Наконец, именно 'lawful wife' означает "законную супругу".

Таким образом, приведённые выше примеры свидетельствуют о многоуровневой и разветвлённой структуре концептосферы "свобода", которая в романе Достоевского включает в себя не только понятия о свободе и воле, но и о законе и законности. Не исключено обнаружение и иных компонентов, что обусловлено культурной спецификой текста. Пересмысление предпереводческого анализа текста с точки зрения когнитивной составляющей в её связи с культуроспецифичностью, возможно, будет способствовать уточнению исходных установок переводчика и, как следствие, появлению новых переводческих находок.

Источники и литература

- 1) Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1970.
- 2) Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 2003.
- 3) Dostoyevsky F. Crime and Punishment. М., 2017.
- 4) Dostoyevsky F. Crime and Punishment. London, 1992.
- 5) Dostoyevsky F. Crime and Punishment. New York, 2015.

Иллюстрации

Рис. 1. Строительство Храма Христа Спасителя. Москва, конец 1990-х.